КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го октября **№ 19.** 1862 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Содержаніе: а) Біографія митрополита кіевскаго Евгенія. б) О методахъ обученія грамотѣ. в) Извѣстія.

БІОГРАФІЯ

Евгенія Митрополита Кіевскаго составлена 1834 г. (*).

Евгеній Болховитиновъ **Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, орденовъ св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Анны 1-го класса и св. Владиміра 2-го класса кавалеръ, родился 1767 г. декабря 18 въ губернскомъ городѣ Воронежѣ**

(*) Это собственно **автобіографія.** Въ рукописи, содержащей это описаніе большею частію ученой жизни М. Евгенія, видно исправленіе текста, сдѣланное рукою его самаго. Рукопись сія, по дух. завѣщанію М. Евгенія, хранится въ числѣ другихъ евгеніевскихъ рукописей—съ библіотекѣ К. Софійской подъ № 196-мъ. Это жизнеописаніе доведено почти до 1836 года, хотя въ надписи поставленъ 1834 г.; ибо въ немъ упоминается событіе 1835 г. дек. 12. Въ концѣ рукописи помѣщенъ Высочайшій рескриптъ пр. Евгенія на званіе митрополита кіевскаго.

отъ священника Входъ-Іерусалимской церкви Алексія, и при крещеніи нареченъ *Евфиміемъ*. Оставшись десяти лѣтъ послѣ кончины родителя, онъ обучался сперва въ архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ, потомъ съ 1778 года въ воронежской семинаріи до половины курса философіи, а въ 1784 году по желанію своему и по избранію преосвященнаго *Тихона* III, епископа воронежскаго, посланъ былъ на семинарскомъ иждивеніи оканчивать науки въ московскихъ училищахъ, изъ коихъ сперва вступилъ въ московскую академію, гдѣ обучался полному курсу философіи и потомъ богословіи, а сверхъ того греческому и французскому языкамъ; вмѣстѣ съ симъ записался на лекціи московскаго университета, въ коемъ слушалъ курсы всеобщей нравственности, философіи и политики у профессора *Шадена*, опытной физики у *Роста*, французскаго краснорѣчія у *Бодуена*, а Нѣмецкаго языка у *Гейна*. Съ 1786 года, по возвращеніи въ Воронежъ, 9 генваря опредѣленъ былъ въ тамошней семинаріи учителемъ реторики и французскаго языка. Въ реторическомъ классѣ преподавалъ онъ особымъ курсомъ еще греческія и римскія древности, а вмѣстѣ съ тѣмъ 1789 года съ 20 августа былъ вице-префектомъ семинаріи и библіотекаремъ. Съ іюня мѣсяца 1790 года, сверхъ того, обучалъ и философіи; съ 5 сентября того же года опредѣленъ префектомъ семинаріи, учителемъ богословіи, а въ небытность ректоровъ 5 лѣтъ исправлялъ при томъ и ректорскую должность. Съ 14-го августа 1797 года обучалъ церковной исторіи, священной герменевтикѣ, греческому языку, еллинскому и простому, и французскому высшаго класса. Десять лѣтъ проходилъ онъ всѣ сіи послѣднія должности и 3 года былъ библіотекаремъ. Между тѣмъ въ 1796 году марта 25 произведенъ въ протоіерея уѣзднаго города Павловска, съ оставленіемъ при семинаріи въ прежнихъ должностяхъ и съ тѣхъ же поръ опредѣленъ присутствующимъ въ воронежской консисторіи. По овдовѣніи въ 1799-мъ году, вытребованъ

преосвященнымъ с. петербургскимъ и съ 3 марта 1800 года опредѣленъ въ александроневской академіи префектомъ, философіи и высшаго краснорѣчія учителемъ; 9-го числа того же марта постриженъ въ александроневской лаврѣ и того же мѣсяца 11 числа посвященъ во архимандрита зеленецкаго монастыря, а 15 марта опредѣленъ присутствующимъ въ с. петербургской консисторіи. Въ 1801-мъ году сентября 15, при коронаціи Государя Императора Александра I, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазнымъ наперснымъ крестомъ. Въ 1802 году генваря 27 переименованъ архимандритомъ с. петербургской Сергіевой Пустыни, а съ 5 апрѣля опредѣленъ богословіи учителемъ въ александровской академіи. Между тѣмъ съ 1800 года августа и во весь 1801 годъ исправлялъ чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія въ С. Петербургѣ, и былъ членомъ С. Петербургскаго *Комитета Благодѣтельнаго Общества*, съ 10 мая 1802 года по имянному указу составленнаго. Въ 1804 г. генваря 1 Высочайше пожалованъ, а генваря 17 хиротонисанъ въ александровской лаврѣ во *епископа Старорусскаго*, викарія новгородскаго. Въ 1805 году марта 5 пожалованъ орденомъ св. Анны 1-го класса. Въ 1808 году генваря 24 переведенъ епископомъ же въ вологодскую епархію; въ 1813 г. Іюла 19 въ калужскую, гдѣ въ слѣдующемъ 1814 году августа 30 награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1816 году февраля 7-го переведенъ въ псковскую епархію съ пожалованіемъ въ архіепископа, въ 1822 году генваря 24 переведенъ въ Кіевъ и 16 марта пожалованъ митрополитомъ и членомъ Св. Сунода. Въ 1823 году апрѣля 21 пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; въ 1824 г. по имянному указу, состоявшемуся декабря 19, вызванъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ и 25 февраля 1825 опредѣленъ членомъ комиссіи духовныхъ училищъ, а 14 марта членомъ секретнаго комитета о раскольникахъ. Въ 1826 году августа 22, при коронаціи Государя

Императора Николая Павловича пожалованъ орденомъ св. апостола Андрея въ Москвѣ.

Въ продолженіе сего времени, въ 1805 году іюля 19, избранъ онъ въ почетные члены московскаго университета. Въ 1806, ноября 24 въ дѣйствительные члены Россійской академіи; въ 1808 г. февраля 24 въ почетные члены медико-хирургической академіи; въ 1810 мая 14, с. петербургскаго общества любителей наукъ, словесности, и художествъ; въ 1811 году марта 9, С. Петербургской Бесѣды любителей русскаго слова, и въ томъ же 1811 году мая 1, въ соревнователи, потомъ въ почетные члены общества исторіи и древности россійскихъ, при московскомъ университетѣ; въ декабрѣ 1815 г. московскаго общества врачебныхъ и физическихъ наукъ; въ 1812 г. генваря 16 московскаго общества любителей россійской словесности; въ 1814 году октября 22 духовной александроневской академіи; декабря 12 тогоже года, казанскаго общества любителей отечественной словесности при университетѣ; въ 1817 году марта 10 харьковскаго университета, а мая 12 тогоже года, казанскаго университета; 1818 г. генваря 21 коммиссіи составленія законовъ имперіи россійской, а 9 декабря того же года с. петербургскаго вольнаго общества любителей россійской словесности; въ 1826 г. декабря 29 почетнымъ членомъ академіи наукъ, а 1827 декабря 12 почетнымъ докторомъ университетѣ. 1829 мая 24 почетнымъ членомъ с. петербургскаго университета; 1834 іюля 15 почетнымъ членомъ кіевскаго св. Владиміра университета. 1834 г. октября 30 членомъ королевскаго копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ. 1835 г. декабря 12 членомъ корреспондентомъ статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

(Продолженіе будетъ).

О МЕТОДАХЪ ОБУЧЕНІЯ ГРАМОТѢ (*).

Всѣ существующія методы можно раздѣлить на три методы и ихъ сочетанія:

1. Метода «азовъ», складовъ и толковъ и выученье почти наизустъ одной книжки. Buchstabirmethode.

2. Метода гласныхъ и приставленія къ нимъ согласныхъ, выражаемыхъ только вмѣстѣ съ гласною.

3) Звуковая метода.

Золотовская метода есть остроумное сочетаніе 2-й и 3-й, какъ и всѣ другія методы суть только сочетенія этихъ трехъ основныхъ методъ.

Всѣ методы эти одинаково хороши, каждая съ извѣстной стороны имѣетъ преимущество надъ другою вообще и преимущественно относительно извѣстнаго языка и даже извѣстныхъ способностей ученика, и каждая имѣетъ свои затрудненія. Первая, напримѣръ, облегчаетъ выучиванье азовъ, называя ихъ: азъ, буки, вѣди, или ананасъ, баранъ и т. д., и переноситъ всю трудность въ склады, которые отчасти выучиваются наизустъ, отчасти познаются инстинктомъ при чтеніи съ указкой наизусть цѣлой книги. Вторая облегчаетъ склады и сознаніе безгласности согласной, но затрудняетъ въ выучиваньи буквъ, въ произнесеніи полугласныхъ и въ сложныхъ тройныхъ и четверныхъ складахъ, особенно въ нашемъ языкѣ. Метода эта для нашего языка представляетъ затрудненіе въ сложности и большемъ числѣ оттѣнковъ нашихъ гласныхъ. «Ь» и всѣ составленныя изъ нея гласныя «*ьа*—*я*, ье—е, *ьу*—*ю*,»

(*) Заимствуя эту прекрасную статью, въ извлеченіи, изъ февральской книжки журнала „Ясная Поляна,“ мы въ особенности рекомендуемъ ее вниманію наблюдателей церковно-приходскихъ школъ. Ред.

не возможны; *я* съ приставленіемъ къ нему «*б*» будетъ «*бья*, а не «*бя*.» Для того, чтобы произносить «*бя*» и «*бю*», «*бь*» и «*бе*», ему надо выучить склады наизусть, иначе будетъ: «*бья*, *бью*, *бь* и *бье*.» Звуковая метода, одно изъ самымъ комичныхъ порожденій нѣмецкаго ума, представляетъ большія удобства въ сложныхъ складахъ, но за то невозможна для изученія буквъ. И несмотря на то, что по правиламъ семинарій бухштабирметоде не должно признавать, буквы выучиваются по старой методѣ, только вмѣсто того, чтобъ откровенно произнести по старому *эфъ*, *i*, *шъ*, учитель и ученики ломаютъ себѣ ротъ, чтобъ произнести «*фъ-i-шъ*,» да при томъ «*шъ*» составляется изъ «sch», а не есть одна буква.

Золотовская метода представляетъ большее удобство въ соединеніи слоговъ въ слова и въ сознаніи безгласности согласныхъ, но представляетъ свои трудности въ заучиваньи буквъ и въ сложныхъ складахъ. Она удобнѣе другихъ только потому, что есть соединеніе двухъ методъ, но далеко не совершенна, потому что есть—метода.

Наша бывшая метода, состоящая въ томъ, чтобы выучивать буквы, называя ихъ *бе*, *ве*, *ге*, *ме*, *ле*, *се*, *фе*, и т. д, и потомъ складывать на слухъ, откидывая ненужную гласную *е* и на оборотъ, представляетъ тоже свои выгоды и невыгоды и тоже состоитъ изъ соединенія трехъ методъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что нѣтъ ни одной методы дурной и ни одной хорошей, что недостатокъ методы состоитъ только въ исключительномъ слѣдованіи одной методѣ, а лучшая метода есть—отсутствіе всякой методы, но знаніе и употребленіе всѣхъ методъ и изобрѣтеніе новыхъ по мѣрѣ встрѣчающихся трудностей.

Мы подраздѣлили методы на три отдѣла, но подраздѣленіе это несущественно. Мы сдѣлали его только для ясности; собственно же нѣтъ никакихъ методъ и каждая заключаетъ въ себѣ всѣ другія. Всякій, обучившій другаго грамотѣ, употребилъ для этого, хотя и безсознательно, всѣ существующія и

имѣющія существовать методы. Изобрѣтеніе новой методы есть только сознаніе той новой стороны, съ которой можно подходить къ учащемуся для вразумленія его, и потому новая метода не исключаетъ старой, не только не лучше старой, но ставится хуже, ибо большею частью сначала попадаютъ на самый существенный пріемъ. Большею же частію изобрѣтеніе новаго пріема считалось уничтоженіемъ стараго, хотя въ дѣйствительности старый пріемъ все-таки оставался самымъ существеннымъ, и изобрѣтатели, сознательно отрицавшіе старые пріемы, этимъ отрицаніемъ только больше затрудняли дѣло, становились сзади тѣхъ, которые употребляли сознательно старые пріемы и безсознательно новые и будущіе пріемы. Приведемъ для примѣра самую старую и самую новую методу: методу Кирилла и Меѳодія и звуковую методу,—остроумную Fich-buch,—употребляемую въ Германіи. Дьячокъ, мужикъ, учащій постарому «*азъ, буки*,» почти всегда догадается объяснить ученику безгласность согласной и скажетъ, что въ «*буки*» выговариваются только «*бъ*». Я видѣлъ мужика, учившаго своего сына, объяснявшаго «*бъ, ръ*», и потомъ снова продолжавшаго учить по складамъ и толкамъ. Ежели учитель не догадается этого сдѣлать, то ученикъ самъ пойметъ, что въ *бе* существенный звукъ есть «*бъ*». Вотъ звуковая метода. Почти всякій старый учитель, заставляя складывать слово изъ двухъ и болѣе складовъ, закроетъ одинъ складъ и скажетъ: это *бо*, а это *го*, а это *ро* и т. д. Вотъ часть пріемовъ Золотовской методы и методы гласныхъ. Каждый, заставляя учить букварь, заставляетъ ученика смотрѣть на изображеніе слова «*Богъ*», и въ то же время произноситъ «*Богъ*» и такимъ путемъ прочитываетъ съ нимъ цѣлую книгу, и процессъ складыванья усвоивается ученикомъ свободно, соединяя органическое съ раздѣльнымъ, соединяя рѣчь знакомую (молитву, на счетъ необходимости знанія которой не можетъ быть вопроса въ умѣ мальчика) съ разложеніемъ этой рѣчи на составныя части.—Вотъ

всѣ новыя методы и еще сотни другихъ пріемовъ, которые безсознательно употребляетъ всякій умный, старый учитель для объясненія процесса чтенія своему ученику, предоставляя ему всю свободу объяснять самому себѣ процессъ чтенія тѣмъ путемъ, который ученикъ найдетъ удобнѣйшимъ.

Не говоря о томъ, что при старой методѣ «*буки-азъ—ба*» я знаю сотни примѣровъ весьма быстраго выучиванья грамотѣ и сотни весьма медленнаго по новымъ методамъ, я утверждаю только то, что старая имѣетъ всегда преимущество предъ новой въ томъ, что она включаетъ въ себя всѣ новыя методы, хотя и безсознательно, новая же исключаетъ старыя, и еще въ томъ, что старая свободна, новая принудительна. Какъ свободна? скажутъ мнѣ, когда при старой методѣ розгами вбиваютъ склады, а при новой дѣтямъ говорятъ «вы» и просятъ ихъ только понять? Въ этомъ-то и состоитъ насиліе самое тяжелое и вредное для ребенка, когда его просятъ понять точно такъ же, какъ понимаетъ учитель. Всякій, кто самъ училъ, долженъ былъ замѣчать, что такъ же различно, какъ можно сложить 3. 4. и 8, такъ же различно можно сложить б, р, а. У одного ученика 3 и 4=7, да еще 3=10, да 5 осталось, точно такъ же у него—*а*, или *азъ*, *да р*, или *рцы*, да впереди *ра* еще *буки—бра*, а у другаго 8 да 3=11, да еще 4=15 и точно такъ же *буки*, *рцы* должно быть *бра*, потому что все складывали *бра*, *вра*, *гра* и т. д., а коли не *бра*, такъ *бру*, и еще тысячи различныхъ путей, изъ которыхъ *бъ*, *ръ* да *а* выдетъ *бра*—есть одинъ, и можетъ быть (по моему мнѣнію) одинъ изъ послѣднихъ. Надобно никогда не учить и не знать людей и дѣтей, чтобы думать, что такъ какъ *бра* есть только соединеніе *бъ*, *ръ* и *а*, то каждому ребенку надо выучить *бъ*, *ръ* и *а* и онъ будетъ складывать. Вы ему говорите: *б,р,а* какой звукъ? онъ отвѣчаетъ: *ра*,—и совершенно правъ, у него такъ ухо устроено,—другой говоритъ: *а*,—третій говоритъ: *бръ*, такъ же какъ въ *ща—сча*

онъ говоритъ: *счъ* или *щъ*, такъ какъ въ *фъ*, онъ говоритъ *хвъ* и т. д. Вы говорите ему: *а*, *е*, *и*, *о*, *у* главныя буквы, а для него *ръ*, *лъ* главныя буквы, и онъ ловитъ совсѣмъ не тѣ звуки, которыхъ вы хотите.

Учитель изъ нѣмецкой семинаріи, обученный наилучшей методѣ, учитъ по Фишъ-Буху. Смѣло, самоувѣренно онъ садится въ классѣ, инструменты готовы: дощечки съ буквами, доска съ планочками и книжка съ изображеніемъ рыбы. Показывается *Fisch*, составленное изъ буквъ на кардонахъ. Лучшіе и умные ученики думаютъ тутъ поправиться и сразу схватить очертанія и названія буквъ, но не тутъ-то было. «Что есть у рыбы спереди?» Напуганные молчатъ, наконецъ смѣльчакъ говоритъ: голова. «Хорошо, очень хорошо. А голова гдѣ? въ чемъ?»—Спереди. «Очень хорошо, а послѣ головы что?»—рыба. «Нѣтъ, думайте.» Они должны сказать: тѣло—Leib. Говорится и это, но ужъ ученики теряютъ всякую надежду и увѣренность въ себѣ и всѣ умственныя силы напрягаютъ на уразумѣніе того, что́ нужно учителю. Голова, тѣло и конецъ рыбы. Прекрасно! Всѣ вдругъ: рыба имѣетъ голову, тѣло и хвостъ. «Вотъ рыба, составленная изъ буквъ и вотъ рыба нарисованная.» Составленная изъ буквъ рыба вдругъ раздѣляется на три части: на *F*, на *i* и на *sch*. Учитель съ самодовольствомъ фокусника, обрызгавшаго всѣхъ цвѣтами вмѣсто вина, отодвигаетъ *F*, показываетъ и говоритъ: «это голова, *i*—это тѣло, *sch*—это хвостъ», и повторяетъ—«*Fisch*, ФФФФ iiii шшшш. Это ФФФФ,—это iiii,—это шшшш.» И несчастные мучаются, шипятъ, фыкаютъ, произнося согласную безъ гласной, что́ физически невозможно. Не признавая того, самъ учитель за *ф* употребляетъ полугласную, составляющую средину между *ъ* и *ы*. Ученики сначала забавляются этимъ шипѣніемъ, но потомъ замѣчаютъ, что отъ нихъ требуютъ запоминанія этихъ *ффъ*, *и*, *шшъ*, и говорятъ *шифъ*, *шишъ*, *фифъ* и рѣшительно не узнаютъ своего

слова *фишъ* въ *ффффф...iiii...шшшшъ*. Учитель, знающiй наилучшую методу, не придетъ имъ на помощь, посовѣтовавъ запомнить *ф* по Федеръ, Фаустъ и *ш* по шюрце, шахтель и т. д., но требуетъ шшшъ; не только не придетъ на помощь, но рѣшительно не позволитъ выучить буквы по азбукѣ съ картинками, или по фразамъ, какъ напримѣръ: азъ, буду, вѣдать, глаголъ. . . . не позволитъ выучить склады и читать знакомое, не зная складовъ; однимъ словомъ, выражаясь по-нѣмецки,—игнорируетъ,—обязанъ не знать всѣ другiя методы, кромѣ *фишъ* и т. д.

И есть люди, подтрунивающiе надъ «буки-азъ-ба», утверждающiе, что «буки-азъ-ба» есть убивающая умственныя способности метода и рекомендующiе Lautir-methode in Verbindung mit Anschauungsunterricht, т. е. рекомендуютъ заучивать наизусть: рыба есть вещь и *фъ* есть голова, *i*—тѣло, а *шъ*—хвостъ рыбы, а не заучивать наизусть псалтырь и часовникъ. Не говоря о лжи этихъ методъ, о насилованiи духа учениковъ,—для чего намъ, у которыхъ по «буки-азъ-ба» пономари выучиваютъ грамотѣ въ 6 мѣсяцевъ, заимствовать Lautiranschauungsunterrichtsmethode, по которой учатся годъ и болѣе?

Мы сказали выше, что, по нашему мнѣнiю, всякая метода хороша и всякая одностороння; всякая удобна для извѣстнаго ученика и для извѣстнаго языка и народа. Поэтому звуковая метода и всякая другая не русская метода будетъ для насъ хуже «буки-азъ-ба.» Что выйдетъ изъ обученiя по какой бы то ни было неусвоенной народомъ и учителями, вновь введенной, методѣ?

Разскажу нѣсколько близкихъ случаевъ. Нынѣшней осенью, учитель, занимавшiйся въ Яснополянской школѣ, открылъ свою школу въ деревнѣ, гдѣ изъ 40 учениковъ половина уже была обучена по азамъ и толкамъ и одна треть умѣла читать. Черезъ двѣ недѣли выразилось общее недовольство крестьянъ

школой. Главные пункты обвиненія были: что учатъ понѣмецки *а*, *бе*, а не *азъ*, *буки*, что учатъ сказки, а не молитвы, и нѣтъ порядка въ школѣ. При свиданіи съ учителемъ, я передалъ ему мнѣніе крестьянъ. Учитель, университетскаго образованія, съ презрительной улыбкой объяснилъ мнѣ, что онъ переучиваетъ *а*, *бе*, вмѣсто *азъ*, *буки*, для облегченія складовъ, что сказки читаютъ для того, чтобы пріучить понимать читанное сообразно съ ихъ понятіями, и что при новой его методѣ—наказывать дѣтей онъ считаетъ ненужнымъ и потому строгаго порядка, къ которому привыкли крестьяне, видя своихъ дѣтей съ указками за складами, быть не можетъ.

Я посѣтилъ школу эту на 3-й недѣли. Мальчики раздѣлены были на три разряда и учитель старательно ходилъ отъ однихъ къ другимъ. Одни, низшіе, стоя у стола, по картонному листу азбуки, учили наизусть мѣста, гдѣ стоятъ буквы. Я сталъ спрашивать ихъ, болѣе половины знали буквы, называя ихъ: азъ, буки, и пр., другіе знали даже склады; одинъ зналъ читать, но учился сначала, тыкалъ пальцами и повторялъ *а*, *бе*, *ве*, воображая, что это что эго новое, другіе—средніе—складывали на слухъ с, к, а,—ска,—одинъ задавалъ, другіе отвѣчали. И это они дѣлали третью недѣлю, тогда какъ довольно много одного дня, чтобъ усвоить себѣ этотъ процессъ откидыванія лишней гласной *е*. Изъ нихъ я нашелъ тоже знающихъ склады постарому и читающихъ. Они, такъ же какъ и первые, стыдились своего знанія и отрекались отъ него, воображая, что нѣтъ спасенья, не сложивши *бе*, *ре*, *а*—*бра*. Третьи, наконецъ, читали. Эти несчастные сидѣли на полу, каждый держа въ рукѣ книжку прямо передъ глазами, и притворяясь, что читаютъ, повторяли громко слѣдующіе два стиха:

«Тамъ, гдѣ только кончикъ неба,
«Тамъ народъ живетъ безъ хлѣба....

Окончивъ эти стихи, они опять начинали тоже сначала съ грустными и озабоченными лицами, изрѣдка покашиваясь на меня, какъ будто спрашивая: хорошо ли? Страшно и неимовѣрно разсказывать. Изъ этихъ мальчиковъ одни совсѣмъ умѣли читать, другіе не умѣли складывать; умѣющіе—удерживались изъ дружнаго чувства, неумѣющіе—повторяли наизусть и 3 недѣли всё повторяли только эти два стиха изъ отвратительнѣйшей передѣлки нехорошей для народа сказки Ершова.

Я сталъ спрашивать изъ священной исторіи,—никто ничего не зналъ, потому что учитель *по новой методѣ* не заставлялъ учить наизусть, а разсказывалъ по краткой священной исторіи. Я спросилъ нумерацію,—никто не зналъ, хотя учитель по два часа въ день показывалъ, опять по новой методѣ, нумерацію на доскѣ всѣмъ вмѣстѣ до милліоновъ сразу, а не заставлялъ учить наизусть. Я спросилъ молитвы,—ни одинъ не зналъ: говорили «Вотчу» съ ошибками, какъ выучились дома. И все отличные, полные жизни, ума и охоты къ ученію мальчики! И что̀ ужаснѣе всего,—все это дѣлалось по моей методѣ! Всѣ пріемы, употребляемые въ моей школѣ, были и тутъ: и ученье буквъ написанныхъ мѣломъ всѣми вмѣстѣ, и склады на слухъ, и первое чтеніе понятное для ребенка, и изустный разсказъ Священной Исторіи, и математика безъ выучиванья наизусть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ чувствовался пріемъ, самый знакомый учителю, ученія наизусть, котораго онъ сознательно избѣгалъ и которымъ однимъ онъ владѣлъ, и противъ своей воли прилагалъ къ совершенно другимъ матеріаламъ: онъ заставлялъ учить наизусть Священную Исторію не съ книги, а съ своего дурнаго, мертваго разсказа; то же самое съ математикою и складами. И невозможно выбить изъ головы этого несчастнаго учителя университетскаго образованія, что всѣ упреки *грубыхъ* мужиковъ тысяча разъ справедливы, что пономарь, безъ всякаго сравненія, учитъ лучше его и что ежели онъ хочетъ учить, то

можетъ учить грамотѣ по «буки-азъ—ба,» заучивая наизусть и этимъ способомъ можетъ принести извѣстную практическую пользу. Но учитель университетскаго образованія изучилъ, по его словамъ, методу Яснополянской школы, которую ему почему-то угодно принять за образецъ.

Другой примѣръ я видѣлъ въ уѣздномъ училищѣ одной изъ нашихъ столицъ. Прослушавъ съ замираніемъ сердца, какъ въ нашу честь отрубилъ намъ въ высшемъ классѣ лучшій ученикъ водныя сообщенія Россіи, и исторію Александра Македонскаго—въ среднемъ, мы уже хотѣли уходить съ товарищемъ, съ которымъ посѣщали школы, какъ штатный смотритель пригласилъ насъ къ себѣ посмотрѣть на его новую, имъ изобрѣтенную и готовимую къ печати, методу обученія грамотѣ. «Я отобралъ 8 человѣкъ *самыхъ бѣдныхъ*, сказалъ онъ намъ, и надъ ними дѣлаю опыты и провѣряю свою методу.» Мы вошли; восемь мальчиковъ стояли кучкой. «По мѣстамъ!» крикнулъ смотритель голосомъ самой старой методы. Мальчики стали кружкомъ и вытянулись. Около часу онъ толковалъ намъ, какъ прежде во всей столицѣ была въ употребленіи эта прекрасная звуковая метода, но теперь осталась въ одной только школѣ и онъ хочетъ воскресить ее. Мальчики все стояли. Наконецъ онъ взялъ со стола карточку съ изображеніемъ *м—ы—шь*. «Это что»? сказалъ онъ, показывая мышь.—Быкъ, отвѣчаетъ мальчикъ.—«Это что?—*мъ*.» Мальчикъ сказалъ: *мъ*.— «А это—*ы*, а это—*шь*,—вмѣстѣ—мышь. А тутъ приставить *ло*, выйдетъ мыло.» Еле-еле дѣти могли дать намъ эти, выученные наизусть, отвѣты. Я попробовалъ спросить ихъ новое, никто ничего не зналъ кромѣ *мышь* и *быкъ*. Давно ли они учатся? спросилъ я. Смотритель дѣлаетъ опыты уже 2-й годъ. Мальчики лѣтъ отъ 6 до 9 и все живые, настоящіе мальчики,—не куклы, а живые. . . .

Когда я замѣтилъ смотрителю, что въ Германіи звуковая метода употребляется не такъ, онъ объяснилъ мнѣ, что въ

Германіи, къ сожалѣнію, звуковая метода утратилась. Я попробовалъ увѣрить его въ противномъ, но онъ, въ доказательство своей мысли, принесъ мнѣ изъ другой комнаты 5 нѣмецкихъ азбукъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, составленныхъ не по звуковой методѣ. Мы замолчали и ушли, а 8 дѣтей остались для опытовъ смотрителя. Это было осенью 1861 года.

И какъ бы хорошо этотъ самый смотритель могъ бы выучить грамотѣ этихъ 8 мальчиковъ, засадивъ ихъ лично за столикъ съ азбучками и указками и даже могъ бы подирать имъ вихры точно такъ же, какъ ему подиралъ ихъ учившій его отецъ-дьяконъ. Сколько, сколько примѣровъ такого обученія по новымъ методамъ можно найти въ наше богатое рожденіемъ школъ время, не говоря о воскресныхъ школахъ, кишащихъ такими не сообразностями!

А вотъ другіе противоположные примѣры Въ открытой въ прошломъ мѣсяцѣ деревенской школѣ, при самомъ началѣ ученія, я замѣтилъ здороваго курносаго малаго лѣтъ 14, который, при повтореніи ученикамъ буквъ, мурлыкалъ что-то про себя и самодовольно улыбался. Онъ не былъ записанъ въ число школьниковъ. Я спросилъ его, онъ зналъ всѣ буквы, изрѣдка только сбиваясь на *буки*, *рцы* и т. д., какъ и всегда, онъ стыдился этого, полагая, что это запрещено и дурно. Я спросилъ его склады,—онъ зналъ; заставилъ читать,—онъ читалъ безъ складовъ, хотя и самъ не вѣрилъ въ это.—Гдѣ ты учился? «Лѣтомъ нынче въ пастухахъ жилъ со мною товарищъ, онъ зналъ и мнѣ показывалъ.»—Азбучка есть? «Есть»—Откуда же? «Купилъ.»—Долго ли ты учился? «Да лѣто,—когда покажетъ въ полѣ, вотъ и учился.» Другой ученикъ Яснополянской школы, учившійся прежде у пономаря,—мальчикъ 10 лѣтъ, привелъ мнѣ разъ своего брата. Братъ, 7-ми лѣтъ, читалъ хорошо и выучился въ одну зиму по вечерамъ у своего брата. Такихъ примѣровъ я знаю и всякій, кто захочетъ

поискать въ народѣ, найдетъ очень много. Такъ на что же намъ выдумывать новыя методы и во что бы то ни—стало бросать «буки-азъ-ба» и считать всѣ методы хорошими, кромѣ «буки-азъ-ба?»

Кромѣ всего этого, русскій языкъ и кирилица имѣютъ передъ всѣми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличіе, изъ которыхъ естественно долженъ вытекать и совершенно особый родъ ученія грамотѣ. Преимущество русской азбуки состоитъ въ томъ, что всякій звукъ въ ней произносится какъ онъ есть, чего нѣтъ ни въ одномъ языкѣ. ch произносится *цхе*, а не *ше*, какъ во французскомъ и нѣмецкомъ; *а* есть *а*, а не *ай*, *е* и *а* какъ въ англійскомъ; *с* есть *с*, а *ц* есть *ц*, а не *ч* и *к*, какъ въ италіянскомъ, не говоря уже о славянскихъ языкахъ, не имѣющихъ кирилицы.

И такъ, какая же самая лучшая метода для обученія русской грамотѣ? Ни самая новая звуковая метода, ни самая старая - азовъ, складовъ и толковъ, ни метода гласныхъ, ни Золотовская метода. Однимъ словомъ,—нѣтъ лучшей методы. Лучшая медода для извѣстнаго учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всѣ другія методы, которыя знаетъ учитель и которыя изобрѣтетъ учитель, должны помогать ученію, начатому по одной методѣ. Каждый народъ и каждый языкъ имѣетъ преимущественную связь съ одной какой-нибудь методой. Чтобъ узнать эту методу, нужно знать только, по какой методѣ дольше всего учился народъ, метода эта въ своихъ основныхъ чертахъ будетъ наиболѣе свойственна народу. Для насъ—это есть метода буквъ, складовъ и толковъ, весьма несовершенная, какъ и всѣ методы, и потому могущая быть усовершенствована всѣми пріобрѣтеніями, которыя даютъ намъ новыя методы.

Всякая отдѣльная личность, для того чтобы выучиться наискорѣйшимъ образомъ грамотѣ, должна быть обучена совершенно особенно отъ всякой другой и потому для каждаго

московской семинаріи 9800 р. 3) на окрашеніе желѣзныхъ крышъ на зданіяхъ московской семинаріи 2027 р. 4) на содержаніе бѣдныхъ учениковъ духовныхъ училищъ (ежегодно жертвуемые) 3000 р. 5) для внесенія въ государственный банкъ для приращенія процентами, съ тѣмъ, чтобы оные были употребляемы на содержаніе бѣдныхъ учениковъ училищъ 20,000 р. Въ виѳанскую семинарію изъ тѣхъ же суммъ его высокопреосвященствомъ пожертвовано 1350 рубл.

— Преосвященный Платонъ, епископъ костромскій, донесъ Святѣйшему Сѵноду, что преосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній пожертвовалъ: а) 3,000 рублей въ пользу костромской духовной семинаріи, съ тѣмъ чтобы сумму эту внести на вѣчныя времена въ кредитное учрежденіе, и на проценты съ оной по 4½ на рубль (135 р.) содержать одного изъ бѣдныхъ, отличныхъ по поведенію, прилежанію и успѣхамъ, учениковъ семинаріи, на что употреблять 75 рублей, а на остальныя около 60 рублей покупать для имѣющейся ученической библіотеки полезныя духовныя книги, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, и б) 1,500 рублей серебромъ въ пользу трехъ церквей костромской епархіи по 500 рублей на каждую, а именно: костромскаго уѣзда села Воронья и галичскаго погоста Воскресенье-Бартенившины и села Сигондина, съ тѣмъ, чтобы деньги эти внесены были въ государственный банкъ, а процентами отъ оныхъ пользовались причты тѣхъ церквей за поминовеніе его самаго и находящихся въ живыхъ родныхъ его. Вслѣдствіе сего опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 26-го іюля сего 1862 года, положено: преосвященному митрополиту кіевскому Арсенію, за столь значительное на благое дѣло пожертвованіе, изъявить признательность Святѣйшаго Сѵнода.

— *Назначеніе и рукоположеніе епископа* Селенгинскаго. Бывшій иркутскій архіепископъ Евгеній, принявъ во вниманіе, что часть его епархіи за Байкаломъ и есть попреимуществу

та жатва, которая требуетъ болѣе близкаго, мощнаго духовнаго дѣятеля, представилъ мнѣніе объ открытіи за Бабайкаломъ викаріатства иркутской епархіи. Съ соизволенія Государя Императора, жребій многотруднаго служенія за Байкаломъ палъ на ректора костромской семинаріи, архимандрита Веніамина. Мѣстопребываніе иркутскому викарію указано на южномъ берегу Байкала въ Посольскомъ преображенскомъ монастырѣ, а именоваться велѣно епископомъ *селенгинскимъ*, такъ какъ въ городѣ Селенгинскѣ имѣлъ немаловременное пребываніе первосвятитель иркутскій св. Иннокентій, и отсюда возвѣщалъ глаголы живота монголобурятамъ. Рукоположеніе о. архимандрита Веніамина во епископа совершено въ г. Иркутскѣ, 20 мая, преосвященными: иркутскимъ Парѳеніемъ и красноярскимъ Никодимомъ. 1-го числа іюня преосвященный Веніаминъ отправился къ мѣсту своего подвижничества, напутствуемый искренними благожеланіями. (Странникъ).

— Опредѣленіями Святѣйшаго Сѵнода отъ 12-го іюля и 7-го августа, вслѣдствіе ходатайства преосвященныхъ вятскаго и полтавскаго, разрѣшено изданіе Вятскихъ и Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Вятскія Епархіальныя Вѣдомости, издаваемыя въ г. Вяткѣ съ 1-го января 1863 г., будутъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: оффиціальнаго и духовно-литературнаго и выходить два раза въ мѣсяцъ, тетрадками въ 8-ю д. отъ 2 до 3 листовъ и болѣе. Цѣна годовому изданію 4 рубля безъ пересылки, и 5 руб. съ пересылкою. Адресъ: *Въ редакцію Вятскихъ Епархіаль. Вѣдомостей при Вятской Дух. Консисторіи.*

— Г. начальникъ кіевской губерніи отъ 10-го авг. 1861 г. за № 2,423 увѣдомилъ высокопреосвященнаго митрополита, что мировой посредникъ 3-го участка сквирскаго уѣзда Билинскій, какъ видно изъ его донесенія, въ Таборовской волости владѣнія графа Эстергази и въ с. Чубинцахъ владѣнія помѣщицы Бурчакъ успѣлъ, при введеніи уставныхъ грамотъ, по-

лучить добровольное согласіе крестьянъ потому только, что сіи имѣнія составляютъ приходъ священника Михаила Олтаржевскаго, который, снискавъ къ себѣ совершенное довѣріе крестьянъ, склонилъ ихъ къ соглашенію въ семъ дѣлѣ и всегда содѣйствуетъ съ успѣхомъ видамъ правительства, руководя своихъ прихожанъ къ необходимому для улучшенія ихъ быта трудолюбію и благочинію. Его высокопреосвященство, согласно ходатайству г. начальника губерніи, приказалъ похвальное вліяніе священника Олтаржевскаго сдѣлать извѣстнымъ по епархіи, и имѣть его въ виду при представленіи къ наградамъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го сентября 1862 г. Цензоръ **П. Щеголевъ.**

Въ типографіи **И. и А. Давиденко.**